

Глобализация и цифровое общество

ЗЕЛЕНКО Борис Иванович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/45, корп. 5; b.i.zelenko@rambler.ru; isras@isras.ru)

ОБ ОНТОЛОГИИ¹ СЕТЕВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ)

Аннотация. Статья посвящена идее государственной недостаточности в контексте ее сетевизации. Автор показывает специфику как иерархического сетевого подхода, так и неиерархического пути развития. Если первый выступает как часть государства, то во втором случае – как часть сетевого. Автор дает ответ на вопрос: что выше – сеть или государство? В статье применяется онтологический подход к анализу специфики сетевой российской государственности, ее образу будущего в РФ. Автор приходит к выводу о равновесности правового и социального государства с государством сетевым и делает попытку понять, как «уживаются» иерархии сетевой государственности с не иерархией. Что довлеет в их доминантах: захват властных приоритетов или захват политических смыслов? В статье критически анализируется сетевая экспансия, влияющая на изменение картины мира, в т.ч. и на российскую государственность, рассматривается специфика столкновения онтологий сетевой экспансии и сетевой российской государственности и их последствия для РФ.

Ключевые слова: онтология сетевой государственности, иерархии и не иерархии, равновесность, коммуникационность, конвергентность

В РФ функционал формальных институтов явно отстает от соответствующей парадигмы развития XXI в. Как, к примеру, в настоящий момент «работает» левиафан российской государственности? Существует достаточно убедительное мнение, что этот функционал реализуют сети в виде как формальных субинститутов, так и неформальных. Власть в РФ является сетевой структурой. Она состоит из ключевых узлов общенациональной сети и узлов ключевых корпоративных сетей. В их состав входит правительство и аппарат, администрация президента и ее аппарат, основные силовые структуры, госкорпорации и бизнес-структуры. В аналитике признано, что именно этой сетевой структуре, а не официальной власти принадлежит функционал трансакций. Поэтому вертикаль власти, в сущности представляющая собой узел ведомственных вертикалей, и является иерархическими сетями.

Отчасти это совпадает с концепцией сетевого государства, предложенной М. Кастельсом. Сетевое государство характеризуется совместным использованием власти вплоть до возможности применять легитимное насилие в сетевых рамках.

Однако сетевая государственность в РФ, мягко говоря, более своеобразна. Последнее вызвано ее недостаточностью, а точнее, неразвитостью. Сеть в онтологическом смысле должна выступать как системный элемент встраивания в основание современного российского «порядка вещей», являться гарантией жизнеспособности сетевой государственности. Государство в этом качестве выступает как контур или рамка существования РФ, как образ ее будущего.

Онтология в этой сфере, как признано в политическом сетеведении, должна

¹ Онтология рассматривает фундаментальные принципы бытия, наиболее общие сущности и категории сущего. «Сущее» в онтологии постигается путем редукции (сокращения случайных характеристик предметов), позволяющей увидеть то общее, что есть в различных явлениях, осознать их взаимосвязь.

включать как иерархический сетевой подход, так и неиерархический сетевой путь развития. Если первый выступает как часть государства, то во втором случае государство является частью сетевого.

Поэтому обоснованно выдвинута идея, что проблема в РФ – в перечисленных сетевых ресурсах, которые используются порой не в интересах государства в целом, а в интересах сетевой структуры. Она обладает как политическим, так и бизнес-потенциалом. И все это работает в масштабах страны.

Выдвинута и следующая онтологически значимая идея. С одной стороны, сеть здесь надо понимать абстрактно, с другой – действующие сетевые структуры явно конкретные, причем обладают реальными функциональными связями. И тогда онтология вопроса перерастает в когнитивизм. К примеру, как уже предлагается в литературе, вопрос в отношении официального лидера страны должен адресоваться не столько к его личности, сколько к определенному узлу сети, а точнее, различных сетей.

Своеобразие сетевой государственности в РФ еще и в том, что ее функционал, как известно, включает неформальные связи и договоренности с внутренними нормами лояльности. Отсюда возникает непубличность и непрозрачность из-за самого устройства государства, исключающего нормальные коммуникации с социумом. Нельзя не согласиться с позицией, что на смену регионализации пришла корпоративизация, что позволило говорить о двумерной модели, где сохраняются и региональное, и корпоративное измерения. Последнее стало превалирующим.

Это вызвало потребность в назревших переменах. В политической науке рекомендации по этому вопросу однозначны: они должны быть системными и универсальными, нацеленными на радикальное сокращение государственных функций. Зачастую необъяснимые функции по «кормлению» бюрократии вместо действенного решения общегосударственных задач требуют изменений. Остальные рационально перераспределяются между иерархическими уровнями и влекут за собой устранение диспропорций между горизонтальными и вертикальными отношениями.

Из сказанного вытекает следующее. Во-первых, дифференциация сетевой государственности на иерархическую и неиерархическую снимает вопрос о соотношении сети и государства. Государство – выше сети. Государство первично в силу своей фундаментальной предназначенности. Его функционал измеряется самым важным – существованием страны или его отсутствием.

Во-вторых, функционал государственности в рассматриваемом контексте обусловлен появлением новых когнитивных смыслов в политическом пространстве РФ. Так, государство – это организация жизни общества, власть же – ее организатор. Однако данные функции пробуксовывают из-за постоянно насаждаемых властью иллюзий относительно целесообразности невнятного на деле политического курса. По распространенному мнению, к этому «тесно примыкает так называемая преднамеренная утопия, идеологически санкционированная и сознательно применяемая. Она абerratивна, принимает желаемое за действительное» [Карапетян 2010]. Усиление иллюзии идеи продолжающейся политики заставляет реально оценить эффективность властного потенциала. Некий утопизм в этом может быть и результатом рассогласования социально-политических отношений.

Безусловно, сегодняшний политрежим, образно говоря, жестко держит государство в «своих объятьях». Но безусловно и то, что государство по своей сути – константа, а политрежим – переменный предикат. У политрежима – временный статус, у государства – постоянный. При этом актуализируется идея сетевого государства. Какого? Неиерархического или иерархического?

Если идти по пути последнего, то не в таком качестве, о котором упоминалось ранее.

Главный вопрос здесь стоит о перспективах развития этих двух типов государственности. Известно, что М. Кастельс обосновал понятие «сетевое» государства [Кастельс 2000]. Впервые был сформулирован политико-регулятивный функционал применительно к виртуальному полю. И это верно, как верно и то, что сети, как было показано, покрывают и иерархизированные сообщества, и государство. Такой вывод согласуется с современным сетеведением, что важно для дополнительного обоснования распространенной точки зрения о реставрации иерархий в сетевом опосредовании. Их цель при этом — борьба с сетевым хаосом и анархизмом.

Власть это понимает, и поэтому в настоящий момент понятия «сетевое государство» и «сетевое общество» получили модус актуальных. Это закреплено в долгосрочном целевом проекте «О государственной программе Российской Федерации “Информационное общество”», где запланировано сформировать сетевое общество. Общеизвестно отношение государства к сетевому обществу. Оно в первую очередь формирует сетевое государство. Однако результат едва различим из-за непонятных позиций российской политической бюрократии [Вольниина 2011: 17]. В аналитике постоянно пульсирует идея разработки соответствующих концептов, направленных на исследование ключевых решений, принятых на протяжении советского и постсоветского периодов. Концепты заработают в том случае, если заработает функционал правового, сетевого и социального государства. Но эти институты всего лишь в начале пути.

Поэтому, по мнению А. Соловьева, данный вопрос приобретает и политический контекст. Он справедливо утверждает, что современная государственная политика делается отнюдь не общественностью. Подлинным бедствием, по его мнению, для государственной системы, отодвигающим общество от механизмов формирования правительственной повестки, является институциональное рейдерство сетевых коалиций правящего класса. Действуя одновременно с лоббистами, сети расширяют зону неформальных коммуникаций, создавая так называемый каскадный эффект при наличии множества латентных игроков, работающих с властями по одной группе вопросов. Особым инструментом давления на государство и общество выступает и распространение сетевой патрон-клиентской этики, разрушающей публичные ценности государства как гражданского антрепренера [Соловьев 2019].

Учитывая это, в аналитике поставлен вопрос об образе будущей государственности в РФ. Ответ пока в поисковых размышлениях. К примеру, выдвинута идея о необходимости выработки среднего пути развития, находящегося между сетевой иерархической и сетевой неиерархической государственностью. Но какова природа этой структуры? Может быть, ее суть — в некоей конвергентности этих типов государственности?

Пока не ясно. Также выдвигается гипотеза, что поскольку иерархии являются разновидностью сетей, то не исключается появление новых иерархий в РФ. Это логично, но политическая практика оставляет этот вопрос сегодня открытым.

Возникает вопрос и о месте сетевого государства в ряду с социальной и правовой государственностью. Задолго до М. Кастельса отечественный ученый П. Новгородцев обратил внимание на двоякое определение идеи государства, только правового. С одной стороны, это организация общей связи входящих в него лиц, с другой — система свободы [Новгородцев 1991: 279]. В некотором роде здесь усматриваются общие признаки сетевого и правового государств,

находящиеся в обоюдном диффундировании. Это позволяет зафиксировать так называемое сложное наблюдаемое: данные государственные формы существуют не как параллельные субстанции, а как имманентно функционирующие и совпадающие по своим сущностным характеристикам. Отметим, что априори сетевое государство вне правового не жизнеспособно, поскольку последнее является необходимым каркасом для функционирования сетевого пространства. Именно в таком правовом опосредовании можно говорить и о форме существования политического смысла социальных сетей, а следовательно, об актуализации идеи сетевого государства в РФ.

Политическая практика свидетельствует об актуализации идеи сетевой государственности как перспективной и доминантной. Такой модели придерживаются и ряд стран. Так, Франция активно поддерживает институты партисипативной демократии и местного самоуправления. Но «такая модель очень требовательна к населению как соучастнику процесса госуправления с позиций его готовности стать ответственным за соисполнение государственных задач, стратегического видения его перспектив и готовности к осмысленному диалогу, постоянному наращиванию человеческого капитала» [Сонина 2018: 206].

Россия всего лишь зреет для освоения подобного рода функционала. Отставание российского государства от современной информационно-коммуникационной динамики является следствием отсутствия должного конституирования и соответствующей институциональности в данной сфере. А именно, необходимо признать статус равновесности правового и социального государства с государством сетевым. Подобная когнитивистика и политическая практика в этом деле реально подвигнет новую государственную форму на путь ее конституционного осмысления.

Востребованность такого подхода оправдана, поскольку продиктована тотально наступающей во всем мире сетевой экспансией. Подвергается соответствующим воздействиям и российское государство в его сетевой ипостаси.

В данном случае сеть является онтологической экспансией в массовое сознание, влияющей на изменение картины мира. В нашем контексте не исключается ее влияние на соответствующий концепт развития российского государства. Действительно, главным становится столкновение двух онтологий, сетевой экспансии и сетевой государственности. В результате возможно появление нового сущего, определенного знания, объясняющего в той или иной мере когнитивизм происходящего.

Теоретически, как и практически, вскрыть механизм этого столкновения довольно сложно, поскольку отсутствуют необходимые наукотворящие контуры в этой сфере. Одно ясно — сетевая экспансия уже внутри государства, а не наоборот.

Аналитика констатирует, что мир сетей — это мир, где существует взаимосвязь во всем. Такой клубок событий теперь отсутствует. Они заменены клубком сетевых узлов. Онтология сетевой экспансии стала форматировать различные представления о современной действительности. Раньше конструировалась одна парадигма мира, где создавался определенный уровень идентичности. В настоящее время данная экспансия, внедряясь в сообщества, создает разные идентичности, что понятно в отношении сетевых акторов. Что касается государственных образований, то, на наш взгляд, эта экспансия неприемлема. В результате этой практики зачастую меняется политическая парадигма целой страны. Представляет она определенную опасность и для РФ. В России имеет место преференция исключительно своей картины мира, исключительно своей конституирующей идентичности. Подобное форматирование государственного устройства, особенно сетевого, следует рассматривать именно в когнитивном

плане. Как видим, столкновение упомянутых онтологий в известной мере носит проблемный характер.

Правда, в этом усматривается и некий позитив, несмотря ни на что. Именно так, наряду с прочим, происходит трансформация виртуального в материальное, что существенно кристаллизует и определяет суть онтологии современной сетевизации. Это свидетельствует о том, что рассматриваемая тема находит свое некое развитие уже в практической плоскости и выходит за рамки абстрактных рассуждений. Нацеленность здесь должна быть не на экстенсивный и экспансивный рост сетей, а на их интенсивный путь развития.

Сетевой функционал заключается не только в технологиях, но и в сетевом взаимодействии. Философская максима перехода количества в качество предполагает в данном случае возможный «перелив» иерархической сетевой государственности в неиерархическую и наоборот. Это как раз тот конвергентный случай, о котором говорилось ранее. И главное здесь — определиться с их целеполаганием в процессе «перелива». Известно, что в первом случае превалирует нацеленность на захват властных приоритетов, во втором — на захват политических смыслов. Если предложенный процесс заработал бы, то тогда это объективно отразилось бы на движении от протестно-конфронтационной к созидательной доминанте в социально-политических отношениях.

Примыкает к этому и вопрос, приобретший в литературе почти уже перманентный характер. Имеется в виду постоянная актуализация преодоления создавшегося в современной России «коммуникационного провала» между государством и обществом.

Говоря словами классиков, мир был «заколдован» отчуждением, невозможностью договориться ни технологически, ни онтологически. Сети, как известно, «расколдовали» мир в результате их развития. Одним из позитивных моментов сетевизации стало, как предлагается в аналитике, превращение «коммуникационной пропасти» в коммуникационные возможности акторов. В нашем контексте в роли последних могут выступить в виде коллективных сообществ как иерархические, так и неиерархические сетевые структуры в государственном опосредовании, причем на уровне обоюдной инициативы и диалога.

В настоящее время в *IT*-пространстве разворачиваются нешуточные баталии. В некоторой степени это касается и нашей проблематики. Но из-за чрезмерной политизированности и коммерциализации этой «стихии» дальнейший онтологический анализ сетевой государственности РФ пока исчерпывается вышеизложенным.

Список литературы

Вольнына Е. 2011. Информационное общество: пролет неизбежен. — *ИКСмедиа*. № 9. С. 17-18.

Карапетян Л. 2010. Диалектика перехода от партократии к меритократии. — *Вопросы философии*. № 4. С. 29-33.

Кастельс М. 2000. *Информационная эпоха: экономика, общество, культура* (пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана). М.: Изд-во ГУ ВШЭ. 608 с.

Новгородцев П. 1991. Об общественном идеале. — *Приложение к журналу «Вопросы философии»*. М.: Пресса. 638 с.

Сони́на Е. 2018. Проблемы государства как института развития на современном этапе. — *Политика развития, государство и мировой порядок: материалы VIII Всероссийского конгресса политологов* (под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой). М.: Аспект Пресс. С. 206.

Соловьев А. 2019. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 8-25.

ZELENKO Boris Ivanovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Chief Scientific Officer of the Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia 117218; b.i.zelenko@rambler.ru, isras@isras.ru)

ON THE NEW ONTOLOGY OF THE NETWORK STATEHOOD OF THE RUSSIAN FEDERATION (POLITICAL CONTEXT)

Abstract. The article is devoted to the idea of state failure in the context of its networkization. The author shows specifics of both the hierarchical network approach and the non-hierarchical path of development. If the first one acts as a part of the state, then in the second case it is a part of the network. The author answers the question: which is higher, the network or the state? An ontological approach is applied to the analysis of the specifics of the networked Russian statehood, its image of the future in the Russian Federation. The article gives a conclusion about the balance of the legal and social state with the network state. The author attempts to understand how the hierarchies of network statehood coexist with non-hierarchy; what are their dominants, the seizure of power priorities or the seizure of political meanings? The author critically analyzes the network expansion, which affects the change in the picture of the world, including the Russian statehood. The article considers the specificity of the collision of ontologies of network expansion and network Russian statehood and the consequences of this for the Russian Federation.

Keywords: ontology of network statehood, hierarchy and non-hierarchy, equilibrium, communication, convergence

---

ГОРБАТОВ Дмитрий Сергеевич – доктор психологических наук, профессор кафедры менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, gorbatov.rus@gmail.com)

ГУРУШКИН Павел Юрьевич – кандидат политических наук, доцент Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, p.gurushkin@spbu.ru)

ПРИЕМЫ ПРОПАГАНДЫ В НОВОСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ МЕССЕНДЖЕРА ТЕЛЕГРАМ

Аннотация. Методом контент-анализа авторы изучали тематику новостных интернет-мемов в мессенджере Телеграм, проводили их типологизацию по критерию информационно-эмоционального воздействия с выделением таких категорий, как «агрессоры», «протекторы», «аттракторы» и «трикстеры», а также регистрировалась сравнительная выраженность приемов пропаганды. В частности, было установлено, что прием «наклеивание ярлыков» доминирует в пропагандистских кампаниях в новостной мемосфере, в ряде случаев сочетаясь с приемами «подтасовка карт», «перенос негатива», «опора на страхи», «блистательная неопределенность», «размахивание флагом».

Ключевые слова: пропаганда, приемы пропаганды, интернет-мемы, новостные интернет-мемы, контент-анализ

Введение

Совокупность традиционных и современных трактовок концепта «пропаганда» [Manzoor, Safdar, Zaheen 2019] позволяет описать его как комплексное и системное воздействие на представителей социальных групп для обеспечения доминирования определенной доктрины над конкурирующими